РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

1901.

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ДАВНО МИНУВШЕЕ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА.

I.

Мой дѣтскій міръ.

Мнѣ еще не было трехъ лѣтъ, когда мой отецъ скончался. Онъ былъ человѣкъ замѣчательный своими душевными качествами и обширнымъ образованіемъ и оставилъ среди многочисленныхъ своихъ друзей, сослуживцевъ и знакомыхъ самую свѣтлую, добрую память. По службѣ ему не везло. Кажется, онъ былъ слишкомъ „идеальныхъ“ воззрѣній человѣкъ. Довѣрялъ онъ каждому и говаривалъ что лучше десять разъ быть обманутымъ чѣмъ одинъ разъ несправедливо отказать въ довѣріи. И бывалъ же онъ обманутъ часто! Послѣ его кончины мать моя осталась еще молодой, съ кучей дѣтей на рукахъ и совершенно безъ средствъ. Впрочемъ, сестры мои были почти уже взрослыя дѣвицы, когда я еще была ребенкомъ; братья умерли еще при жизни отца. Младшей изъ сестеръ моихъ было четырнадцать лѣтъ, когда я родилась. Въ семьѣ воспоминаніе объ умершемъ отцѣ жило долго послѣ его смерти; кажется, семья только и жила этими воспоминаніями. Мать долго была убита горемъ, я въ дѣтствѣ часто видала ее плачущей. Мнѣ казалось что въ домѣ царило всегда какое-то грустное настроеніе, торжественное; а, можетъ-быть, мнѣ только такъ казалось! По крайней мѣрѣ, мое раннее дѣтство въ моемъ воспоминаніи носитъ отпечатокъ грусти и торжественности. Послѣ кончины отца нѣсколько лѣтъ подъ рядъ мы прожили безвыѣздно въ Покровскомъ, подмосковномъ имѣніи, оставшемся послѣ него матери.

Мнѣ кажется что мною занимались мало мои сестры и мать, по крайней мѣрѣ, я почти вовсе не помню ихъ въ то время. Онѣ для меня какъ-будто не существовали; едва только кое-какія отрывочныя воспоминанія слегка касающіяся ихъ остались у меня. Зато постоянные разговоры объ отцѣ сохраняли представленіе о немъ живымъ и выпуклымъ въ моемъ дѣтскомъ умѣ, я часто и много о немъ думала, и личность его стала для меня какою-то особенно дорогою, любимою и вмѣстѣ немножко легендарной. Я думала что „папенька *все* могъ сдѣлать", все злое на свѣтѣ побѣдить, насъ всѣхъ охранить отъ напастей; въ моей головѣ сложилось понятіе что въ домѣ при немъ все должно было быть иначе, конечно, лучше! Моя няня такъ часто говаривала, если чего не одобряла:

— При папенькѣ, царство ему небесное! ужь, конечно, этого бы не было!

Часто въ сумерки я мечтала о томъ какъ это *все* было бы иначе „при папенькѣ". „Вѣдь, пожалуй, даже лѣстница, напримѣръ, выходила бы наверху совсѣмъ не въ дѣвичью какъ теперь, а въ другомъ мѣстѣ! Какъ это было бы весело! Идешь, идешь, вдругъ дверь! Отворишь, а тутъ классная! Какъ смѣшно!" А ужь грустнаго, несчастнаго, во всякомъ случаѣ ничего произойти не могло. Разъ у моей куклы отломилась нога; я была въ большомъ горѣ и показывая куклу сестрѣ, Машѣ, сказала: „Еслибы папенька былъ живъ, не правда ли, этого случиться бы не могло?"

Воображеніе играло огромную роль въ моей жизни, не знаю у всѣхъ ли дѣтей такъ. У меня не было подругъ, никакихъ дѣтей я не знала, взрослымъ было некогда много заниматься мною, поневолѣ я составила себѣ собственный міръ, окружила себя разными воображаемыми существами и живо вѣрила въ ихъ дѣйствительное существованіе. Невольный страхъ что большіе могутъ разрушить этотъ міръ заставлялъ меня скрывать отъ нихъ все что рисовала моя фантазія. Сама я въ своемъ воображеніи была всегда однимъ и тѣмъ же лицомъ: бѣдной вдовой, Авдотьей Степановной. У меня было шестеро дѣтей, и я съ трудомъ могла ихъ прокормить. Моя работа для поддержанія семьи состояла въ вышиваніи тоненькой бичевочкой по рѣшеткѣ сидѣнія стула. Вставая утромъ я часто совершенно искренно вздыхала думая о томъ, сколько мнѣ придется въ этотъ день работать для своихъ дѣтей. Я такъ прилежно занималась своей неблагодарною работой что одинъ разъ няня сказала при мнѣ кому-то:

— Вѣдь какъ усердно шьетъ по стулу, точно заказалъ ей кто!

Эти слова были сказаны вполголоса, но я ихъ услыхала и съ удивленіемъ посмотрѣла на няню: конечно, я трудилась по заказу! У насъ, въ дѣтской, было только два стула съ плетенымъ сидѣніемъ; когда оба были „вышиты“, приходилось распускать работу чтобы опять начинать сначала, и это мнѣ не нравилось, не довольно было похоже на „въ самомдѣлишную работу“, и я объ этомъ сообщила нянѣ; она меня научила плесть шнурокъ на рогулькѣ, а маменька сказала что такой шнурокъ очень ей полезенъ, и что она будетъ у меня его покупать и платить по копѣйкѣ за аршинъ. Съ этой минуты для меня открылся огромный интересъ!

— Куда же ты дѣнешь деньги? спросила маменька.

Такъ какъ этотъ заработокъ былъ „въ самомдѣлишный“, то я уже не думала его употребить для прокормленія воображаемой семьи!

— Я отдавать буду „бабѣ“ своей, рѣшила я.

Кормилицу свою я нѣжно любила. И вотъ я стала такъ усердно плесть свой шнурокъ что няня безпрестанно старалась меня отвлечь отъ него чтобы я не засиживалась надъ нимъ.

— Теперь, няня, баба будетъ ужь богата, когда я ей отдамъ деньги? спрашивала я.

— Ну, хоть богата не будетъ, ангелъ мой, а все же ей поможете!

— У нея изба старая, няня, она мнѣ сказала, я ей заработаю на избу! Вѣдь, да, няня?

— Ну, врядъ ли, голубушка!

— Отчего? огорчилась я.

— Много на избу денегъ надо, вамъ и не заработать!

— Я, няня, даже пять копѣекъ заработаю! Маменька сказала.

И я съ удвоеннымъ усердіемъ принималась за шнурокъ, въ полной увѣренности что очень скоро заработаю „бабѣ“ на избу.

Какъ-то разъ, въ порывѣ откровенности, я разказала сестрѣ Сашѣ про своихъ шестерыхъ дѣтей. Она слушала меня съ такимъ серіознымъ вниманіемъ, дѣлала мнѣ вопросы о моей семьѣ съ такимъ сочувствіемъ что я была тронута и сообщила ей о своихъ работахъ подробно, о болѣзни моей дочери, о дурномъ поведеніи сына, но Саша въ тотъ же вечеръ потеряла

мое довѣріе. Я услыхала что она разказывала о моей „семейной“ жизни старшей сестрѣ. Она при этомъ не смѣялась, но говорила безъ сочувствія къ моимъ дѣтямъ, удивляясь силѣ моего воображенія и разсуждая о причинахъ его. Я была возмущена измѣной Саши. Черезъ нѣсколько дней она сочувственно спросила у меня о болѣзни моей дочери, я коротко и холодно отвѣтила ей что всѣ мои дѣти умерли и никогда болѣе не повѣряла ей своихъ тайнъ.

Кромѣ этого вымысла было множество другихъ; каждый стулъ въ дѣтской или въ столовой гдѣ я тоже часто играла, былъ извѣстный мнѣ домъ, каждая щель въ полу рѣка или гора, и я никогда не забывала переходя черезъ рѣку подбирать платье, безъ того достаточно короткое, чтобы не замочить его, или высоко поднимая ногу перешагнуть черезъ то что̀ называла горой. Конечно игрушки, предметы окружавшіе меня, всѣ были живыя существа. Вся моя воображаемая жизнь была для меня гораздо дѣйствительнѣе самой дѣйствительности непонятной тогда для меня и не сохранившейся въ моей памяти. Люди, которыхъ я только видѣла не имѣя съ ними личныхъ сношеній, казались мнѣ не живыми существами, а такъ въ родѣ необходимыхъ принадлежностей или декорацій въ жизни которыя „всегда были и всегда будутъ“. Такими не „настоящими“ людьми были для меня нѣкоторые изъ нашихъ дворовыхъ людей которые кланялись только издали и съ которыми я не была *лично* знакома, становой приставъ пріѣзжавшій въ большіе праздники поздравлять маменьку и сидѣвшій на самомъ кончикѣ стула; чиновникъ изъ уѣзднаго города, Иванъ Тимоѳеевичъ, тоже по праздникамъ пріѣзжавшій, почему то мнѣ особенно ненавистный и не обращавшій на меня никакого вниманія, и еще нѣсколько другихъ.

Въ церкви у насъ, на клиросѣ, подтягивалъ басомъ толстый Иванъ Минаичъ, содержатель постоялаго двора, онъ былъ для меня изъ числа „всегда бывшихъ“ и, пожалуй, даже не изъ „настоящихъ“; я даже не отдавала себѣ отчета существуетъ ли онъ *спереди*, такъ какъ знала его только спину, когда онъ стоялъ на клиросѣ! И вотъ вдругъ сказали про Ивана Минаича что онъ очень боленъ, а черезъ нѣсколько дней что онъ умеръ. Какъ могъ Иванъ Минаичъ заболѣть и умереть? Я рѣшительно не могла себѣ этого представить! Такъ, значитъ, онъ не только подтягивалъ басомъ, но вообше, „гдѣ-то жилъ“? Значитъ, теперь онъ больше не будетъ пѣть на клиросѣ: „Милосердія двери отверзи намъ“, когда священникъ

слишкомъ долго „не хочетъ отворять двери“, какъ я себѣ воображала? Нѣтъ, не будетъ.

— Отчего, няня?

— Потому что его больше нѣтъ.

— Да вѣдь онъ *всегда* былъ?

— Какъ это, душенька, всегда? спрашиваетъ няня.

— Да такъ, няня, всю мою жизнь былъ.

— Да твоей жизни-то только четыре съ половиной года, голубчикъ мой.

„Что жь изъ этого, подумала я, что четыре съ половиной года? И всетаки это *всегда*!“

Я замолчала, но очень долго размышляла о томъ, какъ это странно что вотъ *всегда* былъ и вдругъ нѣтъ! И добро бы еще кто-нибудь „настоящій“, а то *просто* Иванъ Минаичъ! Послѣ этого, пожалуй, няня которая „живая“, но тоже „всегда была“, и ея вдругъ не будетъ? А церковь? И ея вдругъ не будетъ! Или даже меня самой! Какъ страшно, какъ ужасно страшно!

Со мной часто случалось думать, думать долго и додуматься до чего-нибудь ужаснаго, страшнаго! Все возможное и невозможное путалось въ моей головѣ, потому что я совершенно не понимала что возможно и что невозможно, и я чувствовала себя окруженною не только огромнымъ, но даже враждебнымъ міромъ по своей силѣ въ сравненіи съ моей безпомощностію, и я начинала плакать, судорожно всхлипывая, и чтобы сочинить причину своимъ слезамъ или своему „капризу“, какъ взрослые это называли, въ глазахъ няни или даже въ моихъ собственныхъ, такъ какъ истинной причины своего ужаса я не понимала, я придиралась къ какой-нибудь глупости и „капризничала“ безпощадно. По случаю смерти Ивана Минаича я именно такъ раздумалась и такъ напугала самое себя что плакала, всхлипывая, нѣсколько часовъ подъ рядъ; этотъ „капризъ“ былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ которые остались въ моей памяти. Няня стала добиваться отъ меня, о чемъ я плачу, я отвѣтила, всхлипывая: „Жалко Ивана Минаича!“

Помню, вечеромъ, укладывая меня спать, няня сама измученная моимъ припадкомъ слезъ сказала мнѣ все еще сердитымъ голосомъ:

— Ну, голубушка, сдѣлали вы нынче поминки Ивану Минаичу!

По вечерамъ няня скучала въ дѣтской и отправлялась съ чулкомъ посидѣть въ дѣвичью. Тутъ я была уже не въ во-

ображаемомъ, а въ дѣйствительномъ мірѣ мнѣ принадлежащемъ. Въ дѣвичьей меня любили, забавляли и баловали. Дѣвушекъ было много, человѣкъ шесть; всѣхъ я не помню, помню только своихъ любимицъ Аришу и Катю которую большей частію называли Катей Васильевной въ отличіе отъ другой Кати. Онѣ были очень различны и по наружности, и по характеру. Няня не дозволяла открыто моей дружбы съ дѣвушками, и если днемъ мнѣ случалось вырвавшись изъ дѣтской очутиться въ дѣвичьей, она брала меня за руку и приводя меня обратно въ дѣтскую строго говорила:

— Ну, что по дѣвичьимъ ходите, голубушка! Не мѣсто тамъ тебѣ, ангелъ мой! Займитесь, Олинька, здѣсь чѣмъ-нибудь, будь умница!

А я думала: „почему же мнѣ не мѣсто тамъ? Гораздо лучше чѣмъ здѣсь въ скучной дѣтской, гдѣ и самой нянѣ скучно! А *тамъ* такая прелесть! Тамъ все что есть на свѣтѣ веселаго!“

Когда же наставали сумерки, то подъ прикрытіемъ ихъ какъ-то допускалось многое что днемъ считалось противозаконнымъ. Тогда няня, какъ будто украдкой, уходила къ дѣвушкамъ или съ чулкомъ, или такъ, потирая руки, пожимаясь и позѣвывая, и подходя къ большой изразцовой печкѣ, говорила:

— Пришла къ вамъ погрѣться, что-то озябла въ дѣтской.

Я, конечно, шла за няней, и она меня не гнала прочь.

Ариша была красавица на мой взглядъ; полная, свѣжая, румяная, какъ говорится: кровь съ молокомъ, и всегда веселая. Она безпрестанно смѣялась особенно пріятнымъ, громкимъ, груднымъ голосомъ, показывая бѣлые ровные зубы; волосы у ней были совсѣмъ темные, блестящіе, гладкіе, толстая коса низко приколота на затылкѣ. Кажется, она и въ самомъ дѣлѣ была красивая дѣвушка. Я могла подолгу, сидя на скамеечкѣ у ногъ Ариши, не спуская съ нея глазъ смотрѣть на ея милое лицо, даже когда она была занята работой и не занималась мною; она сознавала свое обаяніе и охотно поддавалась моему восхищенію.

— Мнѣ некогда, говорила она со свойственной ей напускною рѣзкостію которую я особенно любила, — некогда нынче съ вами балясы точить, сидите тутъ и глядите, пожалуй, на меня.

Я усаживалась и глядѣла на нее. Ариша, какъ я думала, все умѣла сдѣлать, и такъ сдѣлать какъ никто на свѣтѣ не сдѣлалъ бы.

Она разказывала такія сказки, удивительныя и страшныя! Еслибы кто изъ старшихъ слышалъ эти сказки, навѣрное, запретилъ бы ихъ, но няня ихъ не слышала, она въ это время дремала у печки, а другихъ никого въ дѣвичьей не было, меня же онѣ приводили въ восторгъ. Она меня учила разнымъ фокусамъ съ картами, шила моимъ кукламъ платья и шляпы, вырѣзала мнѣ разныя фигурки изъ бумаги, но особенно хорошо, по моему мнѣнію, она рисовала! Помню офицера съ необыкновенно длинными руками и пальцами, котораго она однажды нарисовала объявивъ мнѣ что это мой женихъ. Ариша обвела „жениха" черной, нигдѣ непрерывающейся чертой, безпрестанно смачивая карандашъ во рту. Окончивъ рисунокъ, она сосчитала пальцы на обѣихъ рукахъ, и на лѣвой оказалось ошибкой шесть пальцевъ! Въ моихъ ушахъ еще теперь звучитъ ея громкій смѣхъ при этомъ открытіи! Мнѣ же было не до смѣха! Я рѣшительно не знала что̀ дѣлать съ такимъ несчастіемъ? Куда дѣвать шестой палецъ? Но для Ариши даже такая бѣда не могла составить затрудненія. Шестой палецъ тотчасъ же былъ удлиненъ почти до черты означающей полъ, у руки придѣлана петля, и, къ моему величайшему удовольствію, я узнала шпагу! Но какъ держалась шпага въ растопыренной рукѣ офицера? Это была для меня загадка. Сколько разъ я старалась удержать палочку растопыривъ пальцы такъ же какъ мой женихъ, но палочка выпадала.

Мнѣ и въ голову не приходило объяснить себѣ это явленіе недостаткомъ рисунка, я приписывала его единственно неподражаемой ловкости офицера!

Другая дѣвушка, Катя, развѣ только своей веселостію была похожа на Аришу, онѣ обѣ были душою „дѣвичьей" и первыми „затѣйницами" во всемъ Покровскомъ. На святкахъ и на масляницѣ онѣ первыя затѣвали рядиться и выдумывали самые удивительные наряды. Катя была некрасива: смуглая, рябоватая; глаза у ней были маленькіе, какіе-то изъ-зелена сѣрые, точно полинялые, но очень живые; одѣвалась она непорядочно, во всемъ стояла ниже Ариши; я ее очень любила, но безъ того восторга который мнѣ внушала Ариша. Отличительной чертой Кати было то что она безпрестанно кстати и некстати говорила самыя грубыя слова, даже въ видѣ ласки; за это ей часто доставалось отъ старшихъ, въ особенности отъ няни которая обыкновенно, загораживая рукой ротъ съ той стороны гдѣ я находилась въ эту минуту, говорила ей вполголоса:

— Ужъ накажетъ же тебя Богъ когда-нибудь за эти слова, Катерина! Опять же маленькая тебя услыхать можетъ!

И няня глазами указывала на меня.

Я цѣнила въ Катѣ, главное, ея пѣніе. Она была „запѣвалой“ въ Покровскомъ, когда въ лѣтніе праздничные вечера молодежь изъ дворни собиралась на лужайку возлѣ скотнаго двора или возлѣ кухни на скамейкѣ, пока болѣе молодые съ увлеченіемъ играли въ бабки. Сидя за работой въ дѣвичьей она постоянно пѣла или мурлыкала себѣ пѣсню подъ носъ, если не бранилась.

Она вообще ни минуты не умѣла молчать; или она пѣла, или бранилась съ кѣмъ-нибудь изъ другихъ дѣвушекъ, увѣряя что у ней таскаютъ иголки и нитки, или разговаривала сама съ собой.

— Ну, что ты, глупая, одна болтаешь? замѣчала ей няня.

— Ну, какъ это одна! Софья Осиповна! обидѣвшись отвѣчала Катя,—развѣ я дурочка какая что одна буду болтать! Я съ наперсткомъ, вотъ, говорила. Куда это онъ (такой-то!) дѣвался.

И Катя чтобы всетаки не молчать начинала пѣть. Голосъ у ней былъ не очень сильный, но пріятный и гибкій, она его немножко сдавливала какъ наши деревенскія бабы; управляла она имъ мастерски и всю душу свою выливала въ пѣснѣ. Рѣдко пѣла она два раза сряду пѣсню на одинъ ладъ; особенно нѣкоторыя свои любимыя она смотря по своему настроенію измѣняла какъ ей вздумается, придерживаясь только въ общемъ обычнаго напѣва; то ускоряла она темпъ, то задерживала, прибавляла самыя замысловатыя варіаціи которыхъ потомъ повторить никогда не могла.

Я заслушивалась Катиныхъ пѣсенъ такъ же какъ Аришиныхъ сказокъ, не знаю которую изъ нихъ я слушала съ бо́льшимъ наслажденіемъ. Сидя въ сумерки на своей низенькой скамеечкѣ, я жадно ловила звуки Катинаго голоса, пока няня дремала на стулѣ выронивъ чулокъ на колѣна. Словъ пѣсни я почти не могла уловить, Катя ихъ растягивала и выговаривала такъ неправильно что если на лету я и схватывала кое-что, общій смыслъ ускользалъ отъ меня, но это было тѣмъ лучше, я въ это время думала свою думу. Вся дѣвичья, большая изразцовая печка съ синими разводами и сама Катя мало-по-малу стушевывались въ надвигавшихся сумеркахъ, пѣсня раздавалась все громче и яснѣе въ моихъ ушахъ, то звучала какой-то неопредѣленной и незнакомой мнѣ тоской и жалобой, то вдругъ

удалая и свободная манила куда-то вдаль, куда-то на волю, на просторъ! Всѣ эти впечатлѣнія я чрезвычайно ясно помню...

— А ну-ка! Котъ-Ваську спой! восклицала я въ порывѣ удали. „Котъ-Васькой" я почему-то называла извѣстную пѣсню:

Въ селѣ маломъ Ванька жилъ,
Ванька Таньку полюбилъ!
Ой га-га га-га га-га!
Ванька Таньку полюбилъ!
Ванька, соколъ дорогой!
Ты мнѣ пѣсенку пропой!
Ой га-га га-га га-га!
Ванька дудочку беретъ
Танькѣ пѣсенку поетъ!

Катя пѣла „Котъ-Ваську", а я пускалась плясать. Я выступала на средину дѣвичьей, одной рукой подпершись въ бокъ, а другую руку держала надъ головой и выдѣлывала какіе-то медленныя, плáвныя „*па*", поднявъ голову, изрѣдка только перемѣняя руки и сдерживая дыханіе. Я иногда долго, болѣе получаса сряду плясала, куда-то мысленно уносясь и что-то воображая, забывая гдѣ я и что вокругъ меня дѣлается; меня обдавало холодной дрожью, я уже переставала слышать голосъ Кати, въ дѣвичьей дѣлалось совершенно темно, а я все продолжала свою медленную, плавную пляску. Дѣвушки оставивъ работу молча и притаивъ дыханіе толпились у двери, глядя на меня и боясь помѣшать мнѣ. Онѣ понимали что мнѣ хорошо и что жестоко было бы тревожить меня въ эту минуту, а Катя все пѣла... Но вотъ Ариша рѣшала, наконецъ, что пора мнѣ успокоиться, она безъ церемоніи брала меня на руки и поднявъ кверху цѣловала меня куда попало, въ волосы, въ глаза, въ шею, приговаривая:

— Будетъ, моя красота, наплясались въ волюшку! Такая вы у насъ мастерица! Ишь вѣдь, мокрая совсѣмъ! Умаялась, ненаглядная моя!

Я обвивала руками шею Ариши и, ужь забывъ о волшебномъ мірѣ изъ котораго вырвала меня моя любимица, шептала ей на ухо:

— Ариша, милая, попроси „Тетку" чтобы дала моченой брусники.

— Нельзя! У у! Боюсь! Тетка сердитая нынче! Подступиться нельзя!

„Теткой" прозвали дѣвушки нашу экономку; она дѣйствительно нѣсколькимъ изъ нихъ, между прочимъ, именно Аришѣ,

приходилась теткой, а другія звали ее такъ ужь кстати, заодно съ другими. Она была почти всегда не въ духѣ и сердитая какъ всѣ экономки, но Ариша умѣла подладиться къ ней и выпросить для меня какое-нибудь лакомство, чаще всего моченой брусники; она мнѣ приносила ее на блюдечкѣ, посыпанную сахаромъ, объясняя что угощаетъ меня за то что я хорошо плясала, и стоя на колѣнахъ передо мной слѣдила за мной пока я съѣдала бруснику.

Вечеромъ я пила чай у себя въ дѣтской, потомъ няня обыкновенно причесывала мнѣ волосы мокрою щеткой, а послѣ приглаживала ихъ еще обѣими руками чтобы глаже лежали, обдергивала платьице и панталончики и за руку сводила внизъ, „къ большимъ". Тамъ я заставала всего чаще такую картину: посреди большаго круглаго стола горѣла лампа подъ бѣлымъ абажуромъ, вокругъ стола сидѣли маменька и сестры, одна изъ нихъ читала вслухъ, другія работали, маменька большею частію вышивала тонкую „broderie anglaise" наметанную на клеенку; или двѣ изъ сестеръ играли на фортепіано въ четыре руки. Я долго стояла возлѣ сестеръ и внимательно смотрѣла на ихъ руки быстро работающія по клавишамъ; меня занимало одно только движеніе рукъ ихъ, на звуки я почти не обращала вниманія, они ничего для меня не выражали, не то что̀ Катины пѣсни!

Простясь „съ большими" мы съ няней отправлялись наверхъ спать.

— Няня, а трудно играть въ четыре руки? спрашивала я усердно поднимаясь со ступени на ступень, что̀ для коротенькихъ моихъ ногъ составляло не малую работу.

— Трудно, душенька.

— А когда я буду играть?

— Когда выростешь большая.

— А маленькіе не играютъ?

— Гдѣ же маленькимъ играть!

— Отчего, няня?

— У маленькихъ и ручки маленькія, и ножки не достанутъ, и понять трудно. Выростешь, Богъ дастъ, большая, будешь играть.

— И пойму?

— И поймешь.

— Я, няня, *все* пойму когда выросту большая?

— Все поймешь, голубчикъ мой, отвѣчаетъ няня не разобравъ хорошенько что̀ я спрашивала, и принимается уби-

рать дѣтскую на ночь. А я задумываюсь надъ тѣмъ какъ должно быть хорошо „большимъ" что они *все* понимаютъ, а я маленькая ничего не понимаю и потому такъ все страшно!

Вотъ я помолилась, раздѣта, умыта и лежу въ бѣленькой постелькѣ съ кисейными занавѣсками. Няня покрыла и подоткнула меня простыней съ пикейнымъ одѣяломъ, перекрестила, поцѣловала и велитъ спать, а сама снявъ чепчикъ съ гладко причесанной совсѣмъ сѣдой головы и перелинку, погасила свѣчку, затепливъ лампаду передъ образами, и стала молиться. Мнѣ не спится. Я слушаю какъ въ сосѣдней комнатѣ дѣвушки болтаютъ шепотомъ, слушаю ихъ сдержанный смѣхъ; онѣ ужинаютъ. Я чувствую запахъ щей которыя онѣ ѣдятъ и слышу постукиванье деревянныхъ ложекъ о края чашки. Слушаю какъ вѣтеръ гудитъ въ деревьяхъ и завываетъ въ трубѣ, и спрятавъ лицо въ подушку пробую подражать голосомъ завыванію вѣтра. Изрѣдка до меня доходитъ звукъ фортепіано снизу. Кругомъ меня все тихо и таинственно; въ дѣтской полумракъ. Лампадка теплится, едва освѣщая образа въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ; въ стекла сѣчетъ мелкій, осенній дождь. „А когда я буду большая", приходитъ мнѣ опять въ голову, „няня сказала что я все пойму".

Лучи отъ свѣта лампадки дѣлаются длинными и тонкими какъ иголки, когда я прищурю глаза; лучи скользятъ по головѣ няни, на которой нѣтъ чепчика, а она шепчетъ слова молитвъ, изрѣдка зѣвая, кладетъ земные поклоны и потираетъ одна о другую жесткія старческія руки. „А что если это лучи— не лучи", приходитъ мнѣ въ голову, „а мостъ отъ меня къ образамъ, и мнѣ можно подняться и пойти по этому мосту?" Мнѣ ясно кажется что я поднялась и иду, съ трудомъ удерживая равновѣсіе, но тутъ я плотнѣе закрыла глаза, лучи исчезаютъ, я падаю... вздрагиваю и открываю глаза! Няня все молится, шепчетъ, дождь сильнѣе бьетъ въ стекла...

Я замѣчаю подъ столомъ свой большой мячикъ; онъ былъ такой большой что когда лежалъ на полу доходилъ мнѣ до колѣнъ, я его едва могла обхватить обѣими руками. Для меня онъ былъ не мячикъ, а мой сынъ. Я хорошо знала его характеръ, его привычки. „А что", думаю я, „если я своего сына позову, подкатится ли онъ ко мнѣ?" Мнѣ самой страшно дѣлается отъ этого испытанія, но что-то заставляетъ меня попробовать непремѣнно! Я наклоняюсь изъ кровати, протягиваю руку и пристально гляди на „сына" зову его! Сердце бьется

у меня отъ волненія! И что жь? Мнѣ ясно, совсѣмъ ясно кажется что мячикъ двинулся и подкатился поближе. Я громко вскрикиваю и дрожа всѣмъ тѣломъ утыкаюсь лицомъ въ подушку. Няня въ испугѣ подходитъ ко мнѣ, крестить меня, гладитъ меня рукой и уговариваетъ:

„Ну, что жь вы? Что съ тобой, Олечка? Господи помилуй! Дурной, вѣрно, сонъ приснился. Ну, полно, ангелъ мой, плакать“. Но я судорожно всхлипываю и вся дрожу, увѣряя няню что я вовсе не спала. Я прошу зажечь свѣчку. Няня зажигаетъ свѣчку, садится на стулъ возлѣ моей кроватки, и я понемногу начинаю успокаиваться...

Долго еще я не могу заснуть, а няня все сидитъ возлѣ меня, держитъ меня за руку и сама дремлетъ, бѣдная старушка, низко опустивъ на грудь сѣдую голову. Я боюсь и подумать о томъ что со мной сейчасъ случилось! Мнѣ теперь не видно „сына“ за спиной няни, и мало-по-малу успокоившись я наконецъ засыпаю...

II.

Моя кормилица.

Сильная, горячая, восторженная была моя любовь къ „бабѣ Афросиньѣ“. Аришей я восхищалась, и она какъ-то властвовала надо мною, но я и не помню когда эта любовь прошла, не помню даже какъ Ариша ушла изъ нашего дома выходя замужъ. Къ нянѣ я была очень привязана, даже болѣе чѣмъ сама то сознавала. Няня была ко мнѣ добра, я не помню чтобы она когда-либо меня наказала; поворчитъ, бывало, только немножко, вотъ и все! Но няню я считала какъ-будто частью себя самой. Я, помню, рѣдко говорила про себя въ единственномъ числѣ. Какъ няня говорила: „Мы идемъ спать“, когда я приходила прощаться съ маменкой и сестрами; „Мы сейчасъ будемъ купаться“, когда готовила мнѣ ванну; и я говорила про нянинаго мужа: „У насъ мужъ что-то сталъ плохо видѣть!“ или: „Мы нынче писали Гришѣ“. Григорій былъ нянинъ сынъ жившій въ Москвѣ; онъ рано умеръ чахоткой. При такомъ представленіи что все у меня съ няней общее, я даже не отдавала себѣ отчета что я няню люблю; няня и я были одно!

Но однажды няня отправилась къ Троицѣ-Сергію Богу молиться, и я чуть не заболѣла отъ горя въ ея отсутствіе; съ этихъ поръ я стала постоянно бояться какъ-нибудь потерять няню, и когда на меня находилъ „капризъ", всегда готовымъ предлогомъ было:

— Няня, не уходи отъ меня! Никогда не уходи, а то я умру!

— Да нѣтъ же, нѣтъ, ангелъ мой! Я никуда не иду, съ чего вы взяли? Будь покойна, голубчикъ мой!

— Я *знаю* что ты хочешь уйти, не уходи!

Итакъ цѣлый часъ сряду.

Но, пожалуй, сильнѣе чѣмъ любовь къ нянѣ, совсѣмъ другаго рода, восторженная, сознательная страсть и дружба беззавѣтная была у меня къ кормилицѣ. Я даже не любила никому говорить объ этомъ; это было какое-то священное для меня чувство. Я часто мечтала о „бабѣ", лежа, не засыпая въ кровати, или бродя лѣтомъ въ высокой, нескошенной травѣ по лугу возлѣ дома. Солнце пекло немилосердно, въ травѣ трещали кузнечики; я путалась ногами въ нескошенномъ лугу, высокія травы хлестали мнѣ въ разгорѣвшееся лицо, я съ наслажденіемъ вдыхала одуряющій, сильный запахъ „душицы" и „ночной красавицы" и сама себѣ, шепотомъ, разказывала цѣлыя исторіи въ которыхъ Афросинья всегда играла главную роль. Баба жила въ деревнѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ насъ, и приходила очень рѣдко, раза два, много три въ годъ, на одинъ день. Такія рѣдкія посѣщенія, конечно, еще болѣе придавали ей цѣны; но несмотря на то что я ее видала рѣдко, я никогда ее не дичилась. Афросинья была высокая, статная и красивая женщина; чертами лица, пожалуй, не безупречной красоты, но выраженіемъ, необыкновенно кроткимъ, спокойнымъ и ласковымъ, лучше многихъ красавицъ. Мнѣ не рѣдко случалось встрѣчать среди нашихъ великорусскихъ крестьянокъ это величавое спокойствіе въ каждомъ движеніи, плавное достоинство въ рѣчахъ, въ поступи, въ поклонѣ одной головой, но нѣ въ одной изъ нихъ не было всего этого въ такой степени какъ у моей кормилицы. Во всей жизни ея выразились то же достоинство, кротость, смиренная, тихая покорность; наружность ея не была дѣланая, искусственная, она была проявленіемъ внутреннихъ качествъ.

Афросинья была изъ Воспитательнаго Дома, вскормлена и воспитана старушкой вдовой Хрылихой жившей у насъ на

слободкѣ, маленькой деревушкѣ за церковью. Такихъ дѣтей изъ Воспитательнаго Дома подъ Москвой называютъ „шпитонкомъ“. Бабушка Хрылиха жила въ крошечной „курной“ избушкѣ въ два окошечка, совсѣмъ покосившейся и вросшей однимъ бокомъ въ землю. У Хрылихи были и родныя двѣ дочери, но она какъ и бо́льшей частью всѣ наши крестьяне имѣющіе воспитанниковъ не различала ни въ чемъ родныхъ дочерей отъ неродной; къ тому же Афросинья своимъ кроткимъ, ласковымъ нравомъ не могла не заслужить любви. Бабушка Хрылиха лечила отъ всякихъ золъ и болѣзней и, конечно, дѣтей принимала у всѣхъ бабъ. Въ избушкѣ ея я была всего одинъ разъ въ жизни, но хорошо ее помню. Это была крошечная комната, съ низкими полатями и огромной печью, совсѣмъ черная, закоптѣлая отъ дыма, такъ какъ трубы не было, а когда топилась печь занимавшая почти половину избенки, то отворялась дверь для выхода дыма. Съ низкихъ полатей свѣшивались разныя тряпки, по стѣнамъ кругомъ были узенькія скамейки тоже совершенно черныя и какъ-будто полированныя отъ долгаго употребленія; въ переднемъ углу нѣсколько совсѣмъ почернѣвшихъ образовъ безъ ризъ, а передъ ними висѣла мѣдная лампада; полъ былъ глиняный; въ маленькія окна кое-гдѣ заткнутыя тряпками вмѣсто выбитыхъ стеколъ можно было смотрѣть только нагнувшись, такъ они низко лежали на землѣ, да и вообще рослому человѣку надо было вездѣ нагибаться, и входя въ низкую дверь, переступая высокій порогъ, и подъ полатями выпрямиться нельзя было; при томъ всюду, съ потолка, съ толстыхъ бревенъ, и на стѣнахъ, вездѣ сплошь висѣли пучки разныхъ травъ которыя Хрылиха собирала весной на лугахъ и въ лѣсу для „пользованія“ больныхъ. Отъ сильнаго запаха этихъ травъ съ примѣсью дыма, который никогда не проходилъ совершенно въ избушкѣ, у непривычнаго человѣка кружилась голова. И среди такой-то обстановки Хрылиха со своими дочерьми ухитрялась быть замѣчательно чистоплотною! Среди этой обстановки росла и хорошѣла Афросинья, а хорошѣла она такъ что на восемнадцатомъ году обратила на себя вниманіе богатаго купеческаго сына изъ большаго базарнаго села на шосе, въ двухъ верстахъ отъ Покровскаго.

Андрей Николаевичъ Самоквасовъ былъ сынъ бывшаго когда-то камердинера моего дѣда. Самоквасовъ откупился на волю, приписался въ купечество и имѣлъ большую лавку на самомъ шосе.

Андрей Николаевъ былъ красивый, высокій молодой человѣкъ съ окладистою русою бородой и голубыми глазами и могъ побѣдить сердце любой дѣвушки, на него заглядывались и купеческія дочки, немудрено что Афросинья отвѣтнымъ чувствомъ откликнулась на его вниманіе. Ни разговоровъ, ни объясненій между ними не было никогда.

— Чтò вы! чтò вы, душенька! Развѣ это можно! съ негодованіемъ отвѣчала мнѣ баба когда я объ этомъ спросила.

— Да ты его любила? Скажи правду, баба! ласкалась я желая вывѣдать ея тайну (мнѣ тогда было уже четырнадцать лѣтъ и я вездѣ страстно разыскивала „романы").

Афросинья отвернулась и упорно смотрѣла въ сторону, въ одну точку, перебирая пальцами кончикъ ситцеваго платка который былъ надѣтъ у ней на шеѣ и скрещенъ на груди.

— Чтò ужь, душенька, объ этомъ говорить? Говорить не стоитъ, грустно выговорила она.

Дѣло въ томъ что Андрей Николаевъ посватался за нее, да „люди отговорили"; чтò была за причина этому не знаю. Почти тотчасъ же послѣ того онъ женился на дочери лавочника изъ уѣзднаго города; а Афросинью отдали за мужика въ деревню отстоящую шестнадцать верстъ отъ нашего села. Этотъ мужикъ, Иванъ Фарафонычъ, былъ вдовый и бездѣтный, на пятнадцать лѣтъ старше Афросиньи, маленькій, горбатый, почти уродъ; вдобавокъ онъ оказался горькимъ пьяницей. Каторжная жизнь началась для бѣдной моей „бабы"! Къ бѣдности она была привычна, но къ побоямъ отъ пьянаго мужа, къ жизни впроголодь съ цѣлой кучей дѣтей (у ней ихъ всѣхъ народилось одиннадцать человѣкъ!) не легко было привыкнуть! Среди такой, поистинѣ, ужасной жизни сложился у нея совершенно самостоятельный, цѣльный, твердый характеръ. Молчаливая, тихая, покорная, даже близкимъ сосѣдямъ она не жаловалась на свою горькую жизнь. „Твори Богъ волю свою!" были ея любимыя слова и выражали всю суть ея непоколебимой вѣры и смиренной покорности. Вѣра ея была совершенно неученая, она и грамотѣ не умѣла, но твердая и горячая, и въ ней одной она почерпала всю силу и терпѣніе.

Иванъ Фарафонычъ былъ мѣдникъ какъ и всѣ мужики ихъ деревни. Они работали мѣдные чайники, кофейники и кубы для трактировъ въ Москву. Въ той же тѣсной избѣ гдѣ Афросинья часто болѣла, гдѣ за низкой перегородкой роди-

лись и росли ея маленькія дѣти, почти день и ночь стоялъ гулъ и стукъ отъ молотковъ; съ Иваномъ работало еще трое, братья его двоюродные; а воздухъ былъ до того полонъ тончайшей мѣдной пыли что все въ избѣ, и одежда, и особенно овчина тулуповъ, все было покрыто зеленымъ налетомъ; подъ старость у Фарафоныча сѣдые волосы, жиденькая борода тоже были зеленоватые; даже въ глубокихъ морщинахъ около рта и носа лежалъ зеленоватый оттѣнокъ, онъ и въ банѣ не отмывался; въ такомъ видѣ, старый, горбатый, растрепанный, зеленый, онъ былъ похожъ на какого-то колдуна, не даромъ его въ деревнѣ прозвали Кощеемъ-безсмертнымъ! А Афросинья до самой старости сохранила свою величавую, красивую наружность, полную достоинства...

Года четыре послѣ ея замужества пришлось ей пережить тяжелое искушеніе! Конечно, я слышала объ этомъ не отъ нея самой, мнѣ разказывала ея сестра много лѣтъ спустя, съ убѣдительной просьбой никогда Афросиньѣ не поминать объ этомъ.

Однимъ свѣтлымъ осеннимъ утромъ къ ея избѣ подкатила щегольская черная крашеная телѣжка запряженная сытой вороной лошадью въ блестящей сбруѣ. Какъ разъ Фарафоныча не было дома, въ Москву товаръ повезъ, и „молодцы“ всѣ поразбрелись, Афросинья была съ ребятами одна въ избѣ.

— Сидитъ это она, голубушка моя, разказывала Акулина,—сидитъ, этакъ на лавкѣ шьетъ, а сама зыбку качаетъ, Полька у нея тогда двухмѣсячная была, Паранька съ Петькой около нея на полу играютъ, взглянула она въ окошко да такъ и обмерла! Андрей Николаичъ это подъѣхалъ, Самоквасовъ-то! Куда бы мнѣ, говоритъ, схорониться отъ него, и не знаю! Такъ по избѣ и заметалась. Да какъ схорониться? Онъ прямо дверь отворяетъ, входитъ! Стою я, говоритъ, не помню какъ ему поклонилась, выхватила дѣвочку изъ люльки, тѣ тоже ко мнѣ жмутся увидали чужаго мущину. А онъ входитъ, да красивый такой! Словно краше прежняго сталъ. „Здраствуй, говоритъ, Афросинья Ивановна!“ А я ему: здраствуйте, говорю, батюшка Андрей Николаичъ. „Чтò, говоритъ, какъ живешь?“ Слава Богу! говорю. А онъ, этакъ, глазами-то обвелъ кругомъ и покачалъ головой, потомъ на меня какъ уставится, глядитъ, глядитъ... Господи! Кажется провалилась бы я куда-нибудь съ его глазищъ! „А ты говоритъ, все такая же красавица, Афросиньюшка! Ничего хуже не стала!“ Какъ онъ это выговорилъ, такъ мнѣ боязно стало, такъ стыдно, не знаю куда мнѣ глядѣть! А онъ все ближе

ко мнѣ подходитъ. Не робкаго я десятка, это сестрица говоритъ, даромъ что молода была въ ту пору, ну, еслибы кто изъ нашихъ бы лѣзъ, я бы знала какъ съ нимъ говорить, онъ бы у меня, голубушка моя, скоро бы дверь-то къ выходу нашелъ, а съ этакимъ съ мущиной солиднымъ, сама не знаю какъ бы его не обидѣть! А ближе подойдетъ, думаю, что̀ жь мнѣ тогда дѣлать? Онъ видитъ, должно-быть, что ужъ очень я обробѣла, будто отошелъ маленько, на лавку сѣлъ. „Что̀, говоритъ, мужа-то твоего дома, что ли, нѣту?“ Въ Москву, говорю, уѣхалъ! „Мнѣ бы, говоритъ, заказъ нужно ему сдѣлать; да ты что̀ жь, говоритъ, стоишь, не садишься? Или меня, гостя, принимать не хочешь?“ А я: Какой вы мнѣ гость? говорю, да такъ рѣзко это я ему. Сами знаете! Мнѣ безъ мужа чужаго мущину принимать не гоже, народъ болтать станетъ. Онъ засмѣялся. „Ишь ты! говоритъ, какая гордая! А напрасно, ей Богу, напрасно! Я вижу у васъ дѣло-то не Богъ знаетъ какое важное, вонъ и изба-то ужь на одинъ бокъ сѣла; обошлась бы ты со мною поласковѣе, такъ это все бы дѣло можно поправить; мы бы во всякое время съ удовольствіемъ, и заказъ бы, для вида, сдѣлать можно, коли ты народа боишься, да мы бы и цѣну супротивъ другихъ можемъ платить получше.“ А самъ, душенька моя, словно всю меня прожигаетъ, глазами-то своими. Я стою ни жива, ни мертва! Ну, думаю, кто въ избу заглянетъ, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ что̀ подумаютъ! А подъ окошками и такъ ужь около телѣжки сталъ народъ по маленьку сходиться. Собралась я съ духомъ: Никакъ говорю, ваша лошадь отвязалась, по улицѣ побѣжала! Онъ головой покачалъ, засмѣялся, „не можетъ этого быть“, говоритъ. Одначе самъ всталъ съ лавки. „Ну что̀ жь“ говоритъ, и самъ весь побѣлѣлъ и брови сдвинулъ, даже ноздрями шевелитъ, сердитый такой сталъ, „значитъ и отправляться, говоритъ, безъ всякаго отъ васъ привѣта?“ Благодаримъ покорно, говорю, на ласковомъ словѣ, а если вамъ что̀ заказать угодно, такъ пожалуйте когда хозяинъ дома будетъ. Такъ онъ и отъѣхалъ ни съ чѣмъ. И что̀ жь вы, голубушка моя, думали? добавила Акулина,—такъ ее напугалъ этотъ случай; какъ онъ со двора, она какъ заревѣла! Плакала, плакала, говоритъ, никакъ въ себя придти не можетъ! А муженекъ-отъ ея, проклятый, какъ пріѣхалъ домой, прослышалъ про это самое, народъ ужь, извѣстно какъ по-деревенски все знаютъ! да какъ накинется на нее бить, больно билъ ее!

— Это что жь? спросила я, — и за что? Вѣдь она его выпроводила!

— Дура ты, баба, говоритъ, отъ счастія своего, говоритъ, отказалась! Ужь онъ ее! Ужь онъ ее! Около тебя бы, говоритъ, и мнѣ бы лучше было! Вѣдь вотъ какой окаянный, право!

— А Самоквасовъ больше не пріѣзжалъ? спросила я.

— Пріѣзжалъ, какъ же! И самъ пріѣзжалъ, и засылалъ къ ней.

— Ну, что жь?

— Не на такую напалъ! Меня, говоритъ, пущай старикъ хоть до смерти убьетъ, а я себя потерять не могу. Душа дороже всего. А вѣдь вотъ какъ Господь-то! Тутъ вскорѣ послѣ этого, Богъ привелъ, ее взяли васъ кормить. На всю жизнь ей тогда счастіе привалило.

Въ то время какъ Афросинья меня кормила и жила въ домѣ почти годъ цѣлый, ее всѣ у насъ любили. Веселость ея была такая тихая, ровный характеръ, со всѣми ласковое обхожденіе.

— Няня, милая, ты любишь мою бабу? допрашивала я няню послѣ каждаго посѣщенія Афросиньи.

— Ее нельзя не любить, душенька; Афросинью грѣхъ не любить, она баба смирная! говорила няня.

— Ты, няня, ее больше любишь чѣмъ другихъ кормилицъ? приставала я.

— Конечно, больше, ангелъ мой, она другимъ не чета.

— Да, няня? Она *особенная*? А чѣмъ она, няня, особенная?

— Да такъ, всѣмъ, голубушка. Тѣ простыя, деревенскія бабы.

— А Афросинья, не деревенская? Она что? Какъ царица?

— Ну, хоть и не какъ царица, а такъ, много лучше другихъ, *характеромъ* и манерой.

И я вполнѣ довольная тѣмъ что моя баба не похожа на другихъ, что она *особенная*, умолкала и принималась мечтать наединѣ о своей страсти.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кн. Е. Львова.